

**САМОБЫТНИК
ПОД КРАСНЫМ
ЗНАМЕНЕМ**

СТИХОТВОРЕНИЯ

**БИБЛИОТЕКА
ПРОЛЕТКУЛЬТА
ПЕТЕРБУРГ**

САМОБЫТНИК.

ПОД КРАСНЫМ ЗНАМЕНЕМ.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

ПЕТЕРБУРГ.
1919.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Чуткая, отзывчивая, то закипающая негодованием и скорбью, то волнуемая предчувствиями, то, наконец, уверенная в конечной победе эксплуатируемых „борцов мирового труда“ и призывающая к восстанию, к „грозе грядущей“, муза тов. Самобытника—светлая муза, и недаром она указывает пролетариату путь в „светлый храм вольной жизни“; „смело двинемся вперед“—воскликает поэт и неоднократно рисует в пленительных образах, без вычур, которыми шеголяли поэты конца распада буржуазного общества, а любовно и просто—этот „светлый мир чудесный“, этот „остров вольных грез“ (где „бессмертен труд“), „этот светлой жизни вольный храм“, у входа в который „блещут золотом слова“: „всем трудящимся свобода, всем униженным права“—этот пролетарский „грядущий рай“...

Поэт горд своим пролетарским мироощущением — и он в праве гордиться: о своей „неизменной верности пролетарскому обету“ он говорит даже в особом стихотворении. А вот его краткий, но зато знаменательный биографический очерк.

Алексей Иванович Маширов, выступивший еще в 1912 г. в рабочей печати (в газете „Правда“ и др.) под псевдонимом Самобытника, родился в 1886 году, в Петербурге. Родители поэта, разорившиеся мелкие ремесленники, терпя лишения, вынуждены были отдать мальчика в ученье на фабрику металлических изделий в то время, когда поэту едва исполнилось десять лет. Тяжелые условия и беспросветная темнота, которые тогда царили на отсталых фабриках, не только не исковеркали молодую душу, но вскоре заставили юношу пытливо призадумываться над своим положением и искать выхода. И выход был им найден в революционном движении рабочих, которое тогда уже начинало разгораться.

В 1903 году поэт сходится с некоторыми развитыми рабочими, которые помогают ему оформить свое сознание, и принимает участие в партийной работе, помогая организации нелегальной типографии. События 1905—06 гг. были боевым крещением поэта.

Еще ранее, за участие в выборах в комиссию Шидловского, его рассчитывают с фабрики, и поэт скитается по мелким заводам и мастерским в качестве слесаря, шорника, бронзовщика, гравера, а то и просто чернорабочего.

В эпоху реакции 1908—9 годов поэт поступает в классы Лиговского Народного Дома, где одновременно проходит курсы и организует учащихся рабочих, и там же в товарищеских кружках и журналах было положено начало его первым литературным опытам.

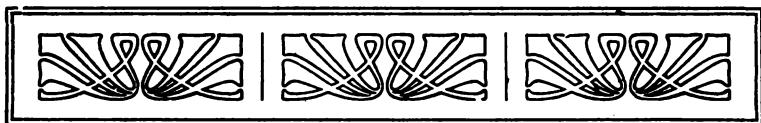
В 1914 г., в самый разгар военных репрессий, поэт, вместе со своими товарищами по курсам, стоит уже на передовом посту рабочего движения, возрождая партийную организацию и налаживая партийную работу. Первые прокламации и листовки за время войны были написаны и отпечатаны им со своими товарищами. А после неоднократных в течение своей деятельности арестов, поэт осенью 1916 года был, наконец, выслан в Сибирь, откуда и возвратился в революцию 17 года...

Таким образом, т. Самобытник является не только певцом пролетарских радостей, страданий и надежд, и притом одним из первых по времени, но он сам и кость от кости и плоть от плоти рабочего пролетариата, — и русская литература, несомненно, становится богаче с выходом в свет этой небольшой книжки его. Читатель обратит внимание, конечно, также на цельность и искренность настроений поэта — и надо ли говорить о гармонии его стиха и выдержанной колоритности слова.

Пролетарская поэзия нашего времени начинает, по силе выразительности, безыскусственной художественности приема и мелодичной и своеобразной напевности стиха уже соперничать с поэзией предыдущих десятилетий и, может быть, даже превосходить ее, во всяком случае, определенностью мирозерцания и какой-то обязательностью пролетарского оптимизма, даже сквозь завесу надвигающихся туч продолжающего видеть, не сомневаясь ни на минуту в его существовании, „остров светлый вольных грез“.

М. Чуносов.

*Не говори в живом признание
Мне слова гордого „поэт“!
Мы первой радости дыхание,
Мы первой зелени расцвет.*

*Разрушив черные оконца,
Мы жаждем миром опьянеть.
Еще не нам, не знавшим солнца,
Вершиной гордою шуметь.*

*Еще неведомой тревогой
Полна восторженная грудь,
Еще вдали чертою строгой
Едва намечился наш путь.*

*Но будет миг, порыв созреет,
Заблещет солнцем наша цель —
Поэта мощного взлелеет
Рабочих песен колыбель.*

*И он придет, как вождь народный,
Как бури радостный раскат,
И в песне пламенной, свободной
И наши песни прозвучат.*

З А Р Н И Ц Ы

1910—1914.

РУЧЬИ.

Нас вскормили, нас согрели
В мягкой снежной колыбели
Солнца первые лучи.
Нам нахмуренные ели
Много в детстве дум пропели.
Мы—тревожных сил ручьи.

Смело мы вперед несемся...
С чутким сердцем обоймемся,
И о каменную грудь
Дружно в брызги разобьемся...
Не погибнем! Вновь сольемся—
И опять в свободный путь!

□□□□

ПРОЛЕТАРИЙ.

Крепкие руки, хлеб да вода,
С скарбом убогим мешок неизменный, —
Вот он творец мирового труда
И гражданин всей вселенной!..

С этим именем он версты идет...
Ночи несется в вагоне трясучем,
Через моря, океаны плывет
С пламенем в сердце могучем.

Может быть, в вечном пути за трудом
Жить на чужбине ему придется —
Станет родимым скитальческий дом, —
Родиной—даль назовется...

В шахтах, заводах чужих городов,
Грезы о детстве растают без цели...
И не увидит во веки он вновь
Места своей колыбели!..

К грозным лишениям готовый всегда,
С силой в могучих руках неизменной —
Вот он—создатель земного труда —
И гражданин всей вселенной...

□□□□

В ЗАВОДЕ.

Ярким солнцем блещет утро, синей далью небосвода,
Ветер зеленью колышет, краски утра так нежны...
Но суровым хмурым людям, в сводах сумрачных завода,
Эти солнечные ласки,—краски утра—не нужны...

Там во власти капитала, как в тюрьме, томятся люди,
Стерегут их неизменно камни стен и ряд машин...
С детских дней они забыли вольный вздох свободной

груди,

Шум задумчивого леса, ширь безбрежную равнин...

Целый день стучат колеса, вокруг ремни шипят, как
змеи,

Тут тяжелый молот ходит, там, как зверь, визжит
пила...

Каждый шаг здесь осторожен! Здесь незримые злодеи
Притаились, ждут добычу из-за каждого угла...

Вот раздался стон и замер, утонув в раскате шума.

Вот угрюмою толпою чей-то труп там пронесли.

Об деревне ли родимой бедняка сгубили думы?

Иль гремящие машины ложный шаг подстерегли?

В смятой груди нет ответа... На губах темнеют пятна

Алой крови... бледны губы... веки спущены у глаз...

Только тихо, умирая, прошептал он еле внятно:

«Тот будь проклят, кто рабами в этой жизни сделал
нас!»

Т Р У Д.

Терзающих звуков нестройные хоры,
Как демон, грохочет и стонет работа—
Кругом изможденные, мутные взоры,
Глубокие вздохи, немые укоры
И капли тяжелого, жаркого пота...
Взгляни на суровые темные руки:
В глухом напряженье все мускулы вздулись,
Здесь люди не знают движений без муки,
Здесь люди, как ивы, повсюду нагнулись...
Вот зарево блещет,—то горны пылают,
Металл раскаленный с хрипеньем куют,
В станках, надрываясь, сверлят и строгают,
То, грудью прижавши, с проклятием трут...
И грубый кусок векового металла
Искусством венчается мощной рукой.
И вот он сверкает средь пышного зала,
Как гость подневольный, пред праздной толпой.
Красивую вязью сплелись узоры,
Металл, словно лед серебристый, сверкает...
Толпа в восхищенье! Толпа не узнает,
Что здесь, в этом блеске, туманятся взоры,
И слышатся вздохи, немые укоры,
И пот раскаленным дождем упадает...

□ □ □ □

ПЕРЕД ГРОЗОЙ.

В руках усталых дрогнули страницы,
Печальный лист слезами окроплен...
Твоей души — свободной, гордой птицы —
Сгибает крылья черный небосклон.

Не плачь, мой друг, взгляни в окно ночное —
Не так ли даль немых небес темна;
Но вот, смутив молчанье роковое,
Во мраке чьи сверкают письма?..

То грозных сил рождаются зарницы,
Они дрожат, дрожат со всех сторон...
О, каждый вздох оплаканной страницы
Грозой грядущей будет искуплен!

□ □ □ □

ГРЕБЦЫ.

Не страшась борьбы упорной,
Неустанно день за днем,
Мы по бездне моря черной
В даль заветную плывем.

В первом радостном обмане
Цель казалась нам близка...
Но кругом в седом тумане
Потонули берега...

Уж одни гребцы устали
Волны веслами взрывать,
И в сырой, туманной дали
Золотого солнца ждать...

Мы гребцов усталых сменим,
И бесстрашно, в свой черед,
Роковые волны вспеним,
Смело двинемся вперед!

□ □ □ □

Ж И З Н Ь.

Вместо роз—из дней суровых
Ты венок мне свой сплела.
С ранних лет в своих оковах
В город шумный увела.

Взяв от зелени пахучей,
От простора и цветов,
Заключила с злобой жгучей
В темных сводах у станков.

По утрам гудком сгоняла
Сна недолгого мечты
И безжалостно срезала
Пышной юности цветы.

Звоном гулкого металла,
Злобным грохотом машин
Ты зловеще мне шептала:
«Капитал —твой властелин».

И огнем дымящих горен
Грудь бестрепетную жгла,
Но моих заветных зерен
В сердце сжечь ты не могла.

И подслушал я смущенье
Грозно-дышащих машин:
В сводах сумрачных рожденье
Многотысячных дружин...

Я подслушал клич призывный
Новой жизни кузнецов,
Вместо песни заунывной—
Песню смелую борцов...

И в моей каморке тесной,
Каждый день, по вечерам
Расцветает мир чудесный,
Вольной жизни светлый храм.

□ □ □ □

ПЕСНИ ПЛОВЦОВ.

I.

Синей зыбью из тумана
Распахнуло море грудь.
Мы сегодня встали рано
Плыть в заветный вольный путь.

Надоел нам берег дикий,
Берег долгих горьких дум;
Чаек жалобные крики,
Камышей печальный шум...

Смерти вечные покосы,
Жертвы моря каждый час,
И гранитные утесы,
Что кольцом сдавили нас...

Нам давно сверкал зарницей
Остров чудный—светлых грез.
Мы к нему помчимся птицей,
Не боясь неожиданных гроз.

Пусть над нами в страхе диком
Вьются чайки... Смело в путь!
Не смутить трусливым криком
Загоревшуюся грудь.

И напрасно мыслят волны
Гнев свой черный затаить:
Боевые наши челны
Не разбить, не потопить...

Нам недаром, бурей смятый,
Завещал певец родной:
«Парус старый и косматый,
Ознакомленный с грозой...»

Уж зарей седые волны
Загорелись слегка:
Братья, сдвинем дружно челны
С груды мертвого песка.

II.

Взвились челны вереницей
Над пучиной роковой,
И один крылатой птицей
Реет челн передовой.

Челн, испытанный, бывалый,
Паруса—как белый лен,
У него на мачте алый
Флаг победно прикреплён.

Полон силы неизбывной,
Ждет он светлого конца,
И звучит с него призывный
Клич свободного певца:

Таает сумрак над волнами,
Даль зарделась ярче роз —
Братья, скоро перед нами
Встанет остров вольных грез.

Он стоит в лазурных водах,
В блеске солнечном всегда,
О туманах и невзгодах
Не слышал он никогда.

Вкруг него цветным покровом
Тесно лилии сплелись,
По краям венком пунцовым
Розы вечные зажглись...

И под лаской солнца знойной
Там, средь зелени, цветов,
Поднялся громадой стройной
Чудный храм до облаков.

Весь сверкающий, как иней,
Светлой жизни—вольный храм!
И пред ним дымится синий,
Заповедный фимиам...

И у мраморного входа
Блещут золотом слова:
„Все́м тру́дящимся—свобода,
Все́м уни́женным—права!“

III.

Вдохновенною отвагой
Груди сильные зажглись;
Челны грозною ватагой
Вдаль, как ветер, понеслись.

Их сковал полет свободный
В неразрывное кольцо.
И пучины многоводной
Помутилося лицо.

Закипело в гневе море
Белой накипью гребней,
Волны в дерзком, злобном споре
Становилися грозней.

И, как звери, к челнам мчатся,
Злобно брызжут чрез края,
То притворно серебруются,
Думу черную тая...

То разгневанной горою
Путь заветный преградят,
То с лукавостью глухою
В дно предательски стучат...

Море стонет, море бьется,
В страхе темного лица.
Снова песня раздается
Вдохновенного певца:

«Эй, пловцы, родные челны.
Цепью кованой скрепим
И на бешеные волны
Буйным вихрем налетим;

В час тревожный над волнами
Дружно веслами взмахнем,
Острогрудыми челнами
Гребни злобные сомнем.

Мы в пути своем немало
Много выдержали гроз.
За последним перевалом
Встанет остров вольных грез!»

□□□□

В СИБИРЬ.

Я думал, грустью истомленный:
Моей судьбы не знаешь ты,
Но лишь рванулися вагоны,
В окно упали мне цветы...

Я понял все... и пусть порвалась
Живая связь в родном краю,—
Ты, беззаветная, осталась
Любить, как мать, мечту мою;

Любить, чтоб снова зазвучали
В ней песни гордые труда,
Любить, чтоб в нашей светлой дали
Огни не гасли никогда.

Чтоб ярче нам зазеленели
Побеги счастья в свой черед...
В родимой, верной колыбели
Моя мечта не пропадет.

□□□□

ЗАВЕТ.

...Еще скажи: в годину бед
Я верен братьям был
И пролетарский свой обет
Преступно не забыл;

Что ни одной я в нем строки,
Глумясь, не зачеркнул
И до конца своей руки
Врагу не протянул;

Что тот же стяг и тот же путь
Стоит передо мной,
Хоть был я ранен дважды в грудь
За жизнь страны родной:

Один удар в тяжелый час
Упал на грудь мою,
Другой, изменники, от вас,
Забывших честь свою!..

1915 г.

□□□□

ЗА НЕВОСКРЕСШУЮ ЛЮБОВЬ.

Здесь каждый взор горит любовью,
И цель борьбы—любовь одна.
Но жизнь, враждуя, дышит кровью
И губит счастья семена.

Кипит и зреет труд упорный,
Гудят проворные станки,
А где-то смерти ангел черный
Готовит скорбные венки...

И, умирая, кто-то просит
Снести поклон родной земле;
Сказать, что сердце не выносит
Позорной жизни в полумгле;

Сказать, что грустно в час жестокий,
Под грохот огненных громов,
Погаснуть свечкой одинокой
За невоскрешую любовь...

1915 г.

ВЕСЕННИЕ ПЕСНИ.

1915—1916.

В Е С Н О Й.

Кипит работа трудная,
Сгибается спина,
А в сердце песня чудная
Звучит: весна... весна...

Вкруг синий дым колышется,
Гудит сердито мех,
Но мне в нем только слышится
Весны веселый смех.

И сталь под властью молота
На весь завод поет:
«Проснись кругом, что молодо,
Весна, весна идет!...»

□□□□

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ.

Было жутко в сумраке тоскливом:
Узкий двор внезапно потемнел.
Но лишь миг,—и бешеным порывом
Крупный дождь: по стеклам зазвенел...

Из щелей проржавленной трубишки
Так и брызжет светлая волна!
С громким криком мчатся ребяташки,
Зеленеет гордо бузина...

Только здесь, в моей каморке душной,
Расцветает плесень мокрых стен.
Кто-то злобный к солнцу равнодушный
Стережет мой ненавистный плен.

Кто-то, полный тайного презренья,
Веет скорбным сумраком могил
И не слышит буйного кипенья
В мощном сердце раскаленных сил.

Эх, сорву я ветхие затворы
И окно широко распахну!
Полюблю безбрежные просторы,
Встречу сердцем вольную весну!

□□□□

ЗА СТАНКОМ.

Я загрезил над станком
Летним днем.
Был то сон или не сон?
Заалел брусникой склон,
Засверкал ручей, звеня,
Шепчут листья близ меня...

И вхожу я в шумный храм
По тропам.
Глубже, шире бор лесной,
Пахнет мятой и сосной,
И в коврах зеленых мхов
Замирает шум шагов.

Вот в вершинах вольный вал
Пробежал.
Это ветер прилетел.
Лес качнулся, зашумел.
Шум встревожил песнь мою,
Я на шум лесов—пою.

И забылся в царстве грез
Я до слез...
Чей же вдруг железный гул
Грезы вольные спугнул?
Сон исчез мой золотой,
Встали стены предо мной...

Встали, шепчут мне в ответ:
—Это бред!
Ты в плену своей тюрьмы,
Над тобою—это мы
Сталью гулкою дрожим,
Дышим грохотом машин.

Бред усталый отгони
И взгляни!
Слышишь, листья шелестят?
То ремни, шипя, скользят.
Ветер бешеных колес
Шум лесной тебе принес!

□□□□

ВЕСЕННИЕ ГРЕЗЫ.

Гудок тревожно пропел молитву,
В окно весенний стучится день.
Я вышел тихо на труд, на битву,
В руке пугливо дрожит сирень.

В лиловых гроздьях пестреют глазки,
Слетают грезы с лесных вершин.
Сегодня праздник, сегодня сказки
Ворвутся в пыльный приют машин,

Сверкнут нежданно из синей дали
Леса и пашни, на склонах круч,
Заблещет зелень в обломках стали,
Повиснут цепи бегущих туч.

И, разрывая их полог зыбкий,
Сверкнет проворный кинжал грозы,
И светлый дождик в живой улыбке
Уронит первый алмаз слезы...

Повеют волей немые своды,
И брызнет солнце на грудь холмов.
И где-то буйно промчатся воды,
Смутив железный язык станков.

□□□□

КРАСНЫЕ ЦВЕТЫ.

Весенний ветер, ласковый и теплый,
С утра метался в сумрачном окне,
Стучался в раму, бил тревожно в стекла
И вдруг ворвался в комнату ко мне...

Какой порыв! Гремящих улиц звуки
Теснятся вглубь свободного окна,
И вновь мои измученные руки
Ласкает солнца жаркая волна.

И мнится мне, откуда-то примчалась
Весенней песни ранняя свирель,
И под окном тревожно закачалась
Зеленой грудью пасмурная ель.

И в кружевах зеленой колыбели
Блеснул весны призывно-светлый взор.
А там вдали—задумчиво синели,
Как берега—изломы чудных гор.

И мнилось, там, в восторженных порывах
Гремят ручьи с алмазной высоты,
И—как любовь—на сумрачных обрывах
Горят на солнце—красные цветы.

□□□□

В ПАРКЕ.

Сегодня в лазурном просторе
Весеннее солнце так ярко!
И зелень, как светлое море,
Шумит над дорожками парка.

На свежем песке и скамейке
Тень бросила сетки узора;
Дрожат золотистые змейки
На сумрачной башне собора...

На дне чуть заметной канавки
Торопятся струйки живые,
И дети в сверкающей травке
Собирают цветы золотые...

И радостно в море зеленом
Встревоженным птицам купаться;
Трамваю с гуденьем и звоном
По улице гулкой промчаться...

И светлые люди так рады
И солнцу, и ласковой тени;
Вон, девушка рвет у ограды
Лиловые гроздья сирени...

Наверно в угрюмом заводе
Об ней она долго мечтала:—
Как я—все томлюсь о свободе
В тяжелых цепях капитала.

У Т Р О.

Уж полна вся улица народом,
А гудки все будят и зовут...
Взвился пар над сумрачным заводом,
Где-то робко отозвался труд.

Я иду с задумчивой окраины,
Чтоб сменить усталых у станков.
А душа горит истомой тайной,
Жаждет воли, солнца и цветов.

Всюду звон тоскующего снега,
Грезит небо светлой синевой,
И гремит крестьянская телега
По напевно-звонкой мостовой...

Как легко на солнце, после стужи,
Распахнуть рабочий свой наряд!
Под шагами скованные лужи
Льдом последним весело звенят...

ЦВЕТЫ ТРУДА.

КРАСНЫЙ ЦВЕТОК.

Были сомненья ей дики—
Полной огня и тревог...
Помню—любила гвоздики
Красный цветок.

Каждый увидеть в собрание
С этим цветком ее мог,
В шутку ей дали название
«Красный цветок»...

Раз непогодной порою
Злобный постиг ее рок:
Был у нас вырван тюрьмою
Красный цветок...

Ссылки угрюмой и строгой
Путь был суров и далек...
Тихо стал вянуть в дороге
Красный цветок...

Вьюгой овеянный снежной,
Север далекий жесток—
Снегом засыпан был нежный
Красный цветок...

ЖЕНЩИНА.

Оставив пир цветов, подруг
И музыки, ронявшей звуки,
Пришла ты в наш немногий круг
Подслушать слезы, наши муки...

Тебя из нас никто не знал,
Речам ты в стороне внимала,
А там шумел счастливый бал,
И тихо музыка рыдала...

Но вдруг твой вид друзей привлек—
«Здесь женщина»—они вскричали,
И этой фразы звук зажег
В твоей душе огонь печали.

Ты встала, бледная, как тень,
В улыбке гнев не может скрыться.
Затихли мы: так в ясный день
В неожиданной туче буря мчится...

В сердцах тревожно дрогнул звук,
И голос, словно сталь, звенящий,
И смелый жест красивых рук,
И взгляд, доверия молящий—

Нам все сказал, не в робком виде,
А гневной дрожью бледных уст:
О возмущенье юных чувств,
О незаслуженной обиде—

О праве равного борца,
О вековых своих страданиях,
О жажде светлого конца,
Об общих грезах, ожиданиях...

И долго голос твой звучал...
Друзья в смущении молчали,
А я словам твоим внимал
В слезах восторга и печали...

И думал: сколько вас я знал,
В дышанье шумной жизни павших,
Влюбленных в ложный идеал,
Тоскою ложною страдавших...

И вас, забытых матерей,
И жен с улыбкою покорной,
И вас, что, сбросив гнет цепей,
Вперед пошли дорогой торной...

О если-б все они могли
Дышать такой же гордой силой,
Скорей бы грезы расцвели,
Скорей бы дрогнул мрак унылый!

□□□□

Л Ю Б О В Ь.

В грустный час, отдавшись укоризне,
За стеною девушка рыдала
О своей убогой темной жизни
И о том, что счастья не видала...

Тосковала, что ее изводит
Тяжкий труд неволею жестокой,
Что напрасно молодость проходит,
И что грустно гибнуть одинокой...

Тосковало сердце и не знало,
Что сосед мой, молодой рабочий,
Каждый вечер, в дружбе небывалой
У меня гостит до полуночи.

И, когда за чуткою стеною
Звонкий смех соседки раздается,
Он дрожит, краснеет предо мною
И, как солнце, плачет и смеется...

□□□□

ЖЕРТВЫ ВЕЧЕРНИЕ.

В час, когда поздним закатом увенчаны,
Окна горят, словно камни цветные,
Робко выходят на улицы женщины
Полуголодные, полубольные...

Взорами темными жадно впиваются
В лица прохожих с мольбою обычною...
В тяжких страданиях их дни покупаются
Лаской притворною, ложью обычною...

Дышат покорностью лица избитые,
Гордые розы безжалостно сорваны.
Вспыхнув, погасли надежды забытые,
Груды тяжелою жизнью надорваны...

В душных трактирах, под звуки разгульные
Быстро сгорят они, в муках усталые,
Вместо цветов, им слова богохульные
Бросит на трупы толпа одичалая...

Выйдут на смену им новые, сильные,
Темному городу—жертвы вечерние.
Чаще нароемся ямы могильные,
Стопчутся розы, наденутся тернии.

Женщина, друг мой, со мною страдающий,
Друг, разделяющий грезы мои,
Только упорной борьбой побеждающей
Сбросим мы черные цепи свои.

Выйди же вместе с тревожной зарницею
В сумрак моими глазами взгляни...
И, как моею победной страницей,
Светлую долю начни!..

НА РАССВЕТЕ.

НА ПОСТУ.

Мы звезды в сумраке глубоком, —
Едва мерцаем и горим,
Но на посту своем высоком
Мы неизменно сторожим.

Порой алмазным, дружным светом
Свой темный полог обольем,
То с первой песней, вольно-спетой
В глухую бездну упадем.

Но в силу тайного обета
Всю ночь не гасим мы огня,
Всю ночь родная ширь согрета
Надеждой солнечного дня.

И он придет, мы это знаем.
Светило мощное взойдет!
И мы, свободные, растаем
Средь голубых своих высот.

□□□□

НАША ПЕСНЯ.

Поднимаясь с могучего дна,
Загораясь безумной тревогой,
Путь **тернистый** проходит она
И **выходит в** одежде убогой...
Мысль **свободная** в ней—без конца
Вместо образов гордых—намеки.
Еще в песне родного певца
Не раскованы вольные строки.
Еще песне дорога одна
С нашей долей забитой сурово:
Если **вольная** жизнь—не вольна,
То куется и вольное слово...
И тому, кто **склоняться** привык
Пред высоким создаьем искусства
Нашей песни суровый язык
Не постигнуть заветного чувства.
Только **тот**, кто сквозь слезы и гн
Сохранил в своем сердце порывы,
В наших робких напевах поймет
И тоску, и порыв, и призывы.
И ту **силу**, что горным ручьем
Сквозь оковы в ней бешено рвется,
И ту **песню**, что вольным певцом
На заре вольной жизни споется.

□□□□

ПОСЛЕ РАБОТЫ.

После ужина в каморке бедной,
Сбросив дня тяжелые вериги,
Сядет он при свете лампы бледной
За свои пленительные книги.

За стеною без конца тревожит
Смех и плач беспечных ребятишек,
Но ничто тогда отвлечь не может
Жадной мысли от любимых книжек.

И пройдут сомкнутыми рядами
Дети общей и суровой доли
С их борьбой и старыми вождями,
Что ведут рабочих к светлой воле.

И, склонясь в томительной дремоте,
Полный дум и грез, он тихо ляжет;
Завтра утром на своей работе
Он об них друзьям своим расскажет.

□□□□

В Л Е С У.

Шумит над нами полог хвойный,
Как сотни радостных знамен,
А воздух ласковый и знойный
Смолой душистой напоен.

Сюда-ж, друзья, под свод чудесный!
Войдем толпой в сырую тень:
Потом не раз в каморке тесной
Мы вспомним ярко этот день.

Пусть нашей жизни гул обычный
На миг заглушит вольный бор,
Стопой входите-ж непривычной
На мшистый бархатный ковер.

Садитесь вольно в круговую,
Зеленый бор—сильней шуми!
И нашу песню хоровую,
Раздольным эхом прогреми!

Пусть город в сумраке угрюмом
Полубольной внимает нам:
Что мы придем с заветным шумом
К унылым горнам и станкам.

Что мы в мечтах о лучшей доле
На миг забыли плен машин,
И дружно песнь поем о воле
Под шум рокочущих вершин.

□□□□

ТУЧИ.

Как враги, крадутся тучи
К бездне неба голубой,
Темных глыб немые кручи
Злобно встали над землей.

Злобно встали, придавили
Грудью черной, как свинцом,
Солнце ясное закрыли
Серым пепельным лицом.

Шапкой черною одеты,
Пригорюнились поля,
Травы шепчут: „солнце, где ты?“
Грустно стебли шевеля...

Только лес, в бою упорном,
Дерзко с тучами шумит
И один на фоне черном
Зеленеет и блестит.

Буйной зелени ватаги
Он врагу немолчно шлет
И, исполненный отваги,
Брата старшего зовет:

„Гой-ты, брат мой, ветер смелый,
Грудью мощною вздохни!
Черный полог онемелый,
Словно море, всколыхни!

Злобу дикую, глухую
Унеси за край земной
И другую, голубую
Ширь раскинь ты надо мной!

Будет утро—я с мечтами
В блеске солнечном проснусь.
Ярко-красными стволами,
Как огнями, загорюсь.

Ты тогда, о, брат могучий,
Будешь сказки мне шептать
И в листе моей пахучей
Дрожью вольной пробегать“.

□□□□

ПЕРВОЕ МАЯ.

Да здравствует первое Мая —
Светлый гимн мирового труда!
Пусть солнце грядущего Рая
Пылает над нами всегда!

Как вольные, гордые птицы,
Взовьемся в лазурную даль,
Сотрем все черты и границы
И долгого рабства печаль.

Погасим вражду вековую
И темную злобу племен,
Сольемся в семью мировую
Под сенью победных знамен.

Да внемлют угрюмые своды,
Утратив свой гнет навсегда,
Могучую песню свободы,
Великую песню труда...

Да здравствует первое Мая —
Светлый праздник труда и машин!
Пусть братство, как солнце сверкая,
Нам блещет с безграничных вершин!

□□□□

НОВОМУ ТОВАРИЩУ.

Вихрь крутящихся колес...
Пляска бешеных ремней...
Эй, товарищ, не робей!..
Пусть гудит стальной хаос,
Пусть им взято море слез,
Много сгублено огней,
 Не робей!

Ты пришел от мирных рос
Светлых речек и полей...
Эй, товарищ, не робей!
Здесь безбрежное слилось
Невозможное—сбылось,
На заре грядущих дней, —
 Не робей!

Наше счастье поднялось
По верхам седых гребней...
Эй, товарищ, не робей!
В царстве скорби и теней
Солнце вечное зажглось,
И горит оно сильней.
Не робей!

Словно каменный колосс,
Стань у бешеных ремней...
Эй, товарищ, не робей!
Пусть гудит стальной хаос —
В цепь еще звено вплелось,
Рать сомкнулася плотней.
Не робей!

□□□□

ПЕРЕД БУРЕЙ.

Ты помнишь—домик за заставою,
Среди безмолвных пустырей,
Где не за праздною забавою
Собрался наш кружок друзей?...

Горели взоры ярким пламенем,
И, как набат, звучала речь..
И мы клялись под старым знаменем
Заветы вольности сберечь!

Как гребни волн, заколыхались
Рабочих грозные полки,
А в окна бешено врывались
Заводов вещие гудки...

К ВЕЧНОМУ СОЛНЦУ.

У Р О Ж А Й.

Пришла пора... шумят колосья,
Сомкнулась зыбкая стена,
На скудной почве чресполосья
Взошли благие семена...

И пусть гремят в глухом просторе
Удары тучи грозовой,
Не выбить им в бессильном споре
Созревшей нивы трудовой...

Уже давно в полях мелькают
Неутомимые жнецы
И с тайной радостью собирают
Колосьев зрелые венцы.

□□□□

НОВЫЙ ПУТЬ.

В новый путь идем мы без тревоги,
Бьется сердце вольное в груди...
Уж давно отцовские дороги
Скорбных мук остались позади.

Перед нами, радостью волнуем,
Грезит мир нетленной красоты...
Мы идем и трепетно целуем
Вешней сказки встречные цветы.

□□□□

М Ы.

Мы, певцы пролетарских вершин,
В царстве рабства, где ползали слизи,
Дружным громом покорных машин
Создадим вам цветы новой жизни.

С роковой беспощадной судьбы
Мы сорвем вековое забрало.
Нас железная сила сковала
В огневое дыханье борьбы.

Плодотворным, упорным трудом
Битв промчавшихся раны залечим
И над вольной страной разметим
Счастье жизни заветным зерном.

□□□□

К ВОССТАНИЮ!

Волнуемый, как океан безбрежный,
Я вам кричу, в час битвы роковой:
Откликнитесь на призыв мой мятежный,
Вы, с детства обожженные грозой...

Я младше всех, но в пламени пожара
Окреп мой дух для новых битв и ран.
Для грозного, последнего удара
Собирайтесь, угнетенные всех стран!

Горит весь мир в об'ятнях железных,
А новый мир—в восстании труда.
Всех ваших сил, всех ваших душ мятежных,
Смыкайте огневые провода.

О, если молот ваш в тревоге повседневно
Заставил шар земной испуганно дрожать,
Ужель у вас не хватит силы гневной,
Чтоб рабские оковы разорвать...

Волнуемый, как океан безбрежный,
Я вам кричу, сжимая свой клинок:
К восстанию! И в стан ваш зарубежный
Бросаю ран моих пылающий венок!

□□□□

СКЕПТИКУ.

Не к лицу тебе, товарищ,
Сыпать жалкие упреки:
Мир еще в дыму пожарищ,
И не все промчались сроки.

Чтоб тростник качнулся гибкий,
Будь, как буря, непреклонный,
С иронической улыбкой
Не смотри на Запад сонный...

Он, израненный, избитый,
Плачет огненной кровью...
Не насмешкой ядовитой,
Обогрей его любовью.

Обогрей родные груди
Ярким пламенем восстанья.
Там давно испили люди
Чашу горького страданья.

Хоть следы тяжелой муки
На лице твоём усталом,
Хоть твои немеют руки
В смертной битве с капиталом,

Не смотри с тоскою жгучей:
Верь, проснется Запад сонный...
Нарастает шквал могучий,
Грозный, революционный.

Продержись еще немного:
В грозном пламени пожара —
Грянет братская подмога
Со всего земного шара...

□□□□

ЗАВЕТ.

Нужно быть прямым, суровым
И стойким до конца.
И, как боец, могучим словом
Воспламенять сердца.

Нужно быть бесстрашным коммунаром;
Час битвы—впереди...
И перед вражеским ударом
Не отклонять груди.

Нужно знать, что даром не дается
Над темной жизнью власть,
Нужно знать, что, может быть, придется
Сраженным в битве пасть...

Нужно даль бесстрашным взором мерить
Сквозь грозные года
И, умирая, беззаветно верить
В бессмертие труда.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Не говори в живом признании	5
Зарницы:	
Ручьи	9
Пролетарий	10
В заводе	11
Труд	12
Перед грозой	13
Гребцы	14
Жизнь	15
Песни пловцов	17
В Сибирь	22
Завет	23
За невоскресшую любовь	24
Весенние песни:	
Весной	27
Весенний дождь	28
За станком	29
Весенние грезы	31
Красные цветы	32
В парке	33
Утро	34
Цветы труда:	
Красный цветок	37
Женщина	38
Любовь	40
Жертвы вечерние	41
На рассвете:	
На посту	45
Наша песня	46
После работы	47
В лесу	48
Тучи	49
Первое Мая	51
Новому товарищу	52
Перед бурей	54
К вечному солнцу:	
Урожай	57
Новый путь	58
Мы	59
К восстанию	60
Скептику	61
Завет	63

Издания Петербургского ПРОЛЕТКУЛЬТА.

Петербург, ул. Пролеткульта, 2.

„ГРЯДУЩЕЕ“. Литературный журнал. Выходит два раза в месяц при участии пролетарских писателей. Цена отдельного номера, в 24 стр., в художественной обложке на слоновой бумаге, 1 р. 50 к., а по подписке 2 р. в месяц и 24 р. в год.

- * Стихотворения *П. Арского*. Цена 1 руб.
- * „ *Я. Бердникова*. Цена 75 коп.
- * „ *Б. Богомолова*. Цена 75 коп.
- * „ *Ефремова-Горемыки*. Цена 75 коп.
- * „ *Вл. Кириллова*. Цена 1 руб. 50 коп.
- * „ *А. Поморского*. Цена 1 руб.
- * „ *Ильи Садофьева*. Цена 2 руб. 25 коп.
- * Поэзия рабочего удара. *А. Гастева*. Цена 1 руб. 50 коп.
- * Катастрофа. Роман *П. Безсалько*. Цена 3 руб.
- * Бессознательным путем. Роман *П. Безсалько*. Цена 3 руб.
- * К свету. Повесть *С. Мальшева*. Цена 2 руб.
- * Кровь рабочего. Рассказы *П. Арского*. Цена 1 руб. 50 коп.
- * Рассказы *Грошика*. Цена 1 руб.
- * Свадебная вечеринка. Пьеса в 1-м д. *В. Игнатова*. Цена 1 руб.
- * Накануне. Пьеса в 3-х д. *З. Неаского*. Цена 1 руб. 50 коп.
- * Последний бой. Пьеса в 3 д. *Иер. Ясинского*. Цена 1 руб.

== Н О Т Ы: ==

Первомайский гимн (на слова *Вл. Кириллова*). Музыка *Я. Озолина*. Цена 3 руб.

Рабочий дворец (на слова *А. Поморского*). Музыка *Я. Озолина*. Цена 3 руб.

Памяти Карла Маркса (на слова *Иер. Ясинского*). Музыка *Я. Озолина*. Цена 1 руб.

Гимн народов, слова и музыка т. *Баньковского*. Цена 3 руб.

Примечание: Все перечисленные произведения, отмеченные звездочкой, распроданы и печатаются 3-м изданием, а ноты 2-м изданием. В виду вздорожания бумаги и рабочих рук, цены на следующие издания будут повышены.

Печатаются:

Стихотворения т.т. *Тихомирова, Кузнецова, Крайского, В. Князева*. Рассказы *Попова, Ермакова, Кия. К. жизни*, повесть *П. Безсалько*. Очарованные, рассказы *А. Чапыгина*. Рассвет, рассказы *К. Лоптина*. Каменщик, пьеса *П. Безсалько*. Ноты: муз. *Рукина*: „В Колокол“, „Красное знамя“, „О, слушайте“, „Гремят мятежные раскаты“.

Готовится к печати целый ряд произведений пролетарских поэтов, писателей и композиторов.

❧ Цена 3 р. 75 к. ❧